

Воскресенье, 7 Сентября 1914 г.

№ 235

Двадцать четвертый годъ.

№ 235

Воскресенье, 7 Сентября 1914 г.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

12 м.—9 р.—к.	8 м.—6 р. 50 к.	4 м.—3 р. 50 к.
11 м.—8 р. 50 к.	7 м.—5 р. 75 к.	3 м.—2 р. 75 к.
10 м.—8 р.—к.	6 м.—5 р.—к.	2 м.—2 р.—к.
9 м.—7 р. 25 к.	5 м.—4 р. 25 к.	1 м.—1 р.—к.

За доставку извн. экз. дбл. 1 р. ест. в год.
при талон. съ сам. 1 экз. и не далее конца года.

ОБЪЯВЛЕНИЯ: первая строка—30 к., вторая строка—15
к. за 1 стр. размещенной строчкой в номере.

При многократ. печатан. — СКИДКА ПО СОГЛАШЕНИЮ.

За объявленія обь. урокахъ и вообще о арискиихъ
трудахъ скидки 50%.

За раскла. приложеній при газетѣ вѣдомъ до одного экз.
за 1000 шт.—3 р., а за каждый дбл. экз. по 2 р. 50
к. дбл. Главн. контора помещается въ Ростовѣ на Дону
на Вол. Садовой улицѣ, въ собств. домѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 8 ч. утра до 7 ч. ве-
чера, въ воскресные и праздн. дни отъ 10 до 12 ч. дн.
Отдѣльные номера въ Ростовѣ и-д. и въ отдѣлѣ—5 к.

Телефонъ конторы 240.

ПРИДОНОВСКИЙ РАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Основана С. Х. Арутюновымъ.

Редакция газеты помещ. въ Ростовѣ на Дону по Большой
Садовой улицѣ, въ собств. домѣ.

Редакция для личн. общен. откр. отъ 12 до 2 ч. дн.

Статьи должны быть доставлены съ подписью и адре-
сомъ автора. Принятые статьи, по усмотрѣнiю редакци,
подлежатъ измѣненiю и сокращенiю. Статьи безъ обо-
значенiя условiй считаются безоплатными. Мелкія замѣтки
принимаются, статьи сохраняются 1 мѣсяць. Пересылку
рукописей обратно авторамъ редакція на себя не при-
нимаетъ. Гонораръ выдается въ конторѣ по субботамъ
отъ 10 до 1 часа дн. Телефонъ редакци 166.

Извѣщенiя для „Придоновскаго Райа“ отъ лицъ, фирмъ и уч-
режденiй, желающихъ или имеющихъ свои главныя конторы
или представл. загранич. и повсемѣстно въ Россiйской Импе-
ри, съ исключенiемъ Областн. войска Донского, Кавказа и За-
кавказья и объявленiй банковыхъ и мажорнат. учрежд. ПРИ-
НИМАЮТСЯ ПОСРЕДСТВОМЪ въ центральной конторѣ
Имперск. Торговаго Дома Л. и Э. МИТЦЛЬ и Ю. Миллеръ,
Кавказск. д. Огюста и въ его отдѣленiяхъ въ О. Петербурга,
Морская, 11, Варшавск. Маршалковская ул., 130, Парижъ, 8,
Площадь Вержи, Вильна, Польская, 94, и Лодзь, Петропавловск.
Ию. Ижорск. объявленiя печатаются по двадцати (20) копѣекъ за
строку концами послѣ текста, нижн. текста дѣла двойная.

„Три сестры“.

Открытие драматического сезона. — Первая постановка К. Марджанова.

I.

Когда я встал в театр, впереди шел вагон с ранеными. Живая стена по обеим сторонам улицы гудела тревогой, состраданием, отзвуками войны.

Видимо безсознательно это впечатление осталось в памяти, и смешалось с впечатлениями театра.

Когда Вершинин говорил со сцены, что время нашествия прошло, что война отжила свой век и через 200—300 лет жизнь будет изумительной и прекрасной—нельзя было не улыбнуться недовольно.

Между театром и зрителем встала тень событий, и кажется, они вчера плохо понимали друг-друга.

Тишина, прозрачная неподвижность чеховской элегии—как чуждо прозвучала она в бурю и грозу!

Первы, отвыкшие откликаться на будничные раздражения, пережившие бытовую работу последних недель, познавшие океан человеческих страданий, слабо реагировали на тихое страдание трех сестер, на эту лирическую поэму угасания.

Мы познали новый темп восприятия, и печальная ясность чеховской драмы показалась где-то далеко позади, точно милое воспоминание.

Мировая война несет не только перерождение психологии театрального зрителя,—она принесет перерождение самого театра. Но это впереди, это будущее, а пока — дисгармония, метания, боль... И холодный зрительный зал, когда со сцены льются волны теплоты, чувства, нежности... Вчера они плохо понимали друг-друга: театральный зал и сцена.

Между ними встала зловещая рампа, опоясанная молниями войны.

Три сестры театра—Пьеса, Постановка, Исполнение—должны слиться в глубоком, органическом единстве, чтобы на сцене родился Че-

хов, чтобы, подобно чеховским трем сестрам, не звали они «в Москву», где Художественный театр....

Вчера три сестры сцены были вместе. В постановке и исполнении открылась музыка чеховского мудрого, тихого и печального лиризма. Это так редко на нашем театре, что это нужно считать несомненным завоеванием вчерашнего дня, новой режиссуры и труппы.

Пьеса—только партитура, немые значки нот, которые надо расшифровать в звуках и красках, чтобы зазвучала сценическая симфония, драма.

Режиссер—дирижер, сообщающий оркестру—труппе, мелодии автора, его темперамент, ритмы, темпы.

Но в оркестре драматического дирижера—живые инструменты—актеры, неуловимые особенности их индивидуальности; он заставляет звучать не только голоса и жесты, но краски и вещи, он дает спектаклю высшее согласие и единство.

И это было вчера на представлении «Трех сестер», и это первая у нас, самая значительная победа Марджанова.

Все интонации, краски, звуки и детали спектакля должны были звучать:

— Чехов.

И они звучали, наперекор плохо слушающей нашей публике, вопреки отдельным ошибкам и недостаткам представления.

Среди этих недостатков я раньше всего отметил бы нарочитое понижение всего тона спектакля, какую-то глухоту в его тембре, сознательный уклон в сторону внешней интимности, внешней «настроенности».

Чехова надо играть совсем просто, совсем естественно, и это заблуждение будто нужно создавать еще особенное какое-то «настроение». сверх того, которое дает самая теплота и интимность действия.

Вейман-Лебединская, Зарайская и Янова были очень трогательны, очень простые сестры Чехова, в общем, они играли в

привлекательном мягком тоне. Это не исключало некоторых шероховатостей: Ольгу Вейман-Лебединскую хотелось бы видеть больше просветленной и может быть меньше плаксивой; некоторую связанность в движениях и интонациях показала Зарайская, изображая Машу; холодная, разсудочная, «декламационная» интонация оскорбляла в Ирине Яновой.

Очень корректный, теплый Вершинин у Нарокова, но в нем ищешь больше славянской, мечтательной простоты, открытости характера и духа.

Чернов-Лепковский — Чебутыкин — сочная, живая фигура, но Чебутыкин не просто театральный «комик», у него нежная светлая душа и трагическое ощущение жизни... Хороший Тузенбах Василий; сцена прощания с Ириной передана у него сжатым и сильным чувством.

Вересанов в естественных красках обрисовал Андрея, эту мирную и страшную обывательскую картину падения, но в первом акте Прозоров представляется окрыленным, ярче, чем у Вересанова.

Планируемая няня Матрозова и очень характерно сдлан Ферапонт у Женина.

Кулыгин в исполнении Юрия Яковлева оказался мнѣ незаконченным, неживым, что-то незрелое почудилось в работе актера, но я не хотел бы, среди этих блуждающих замечаний о первом спектакле, делать обобщающие выводы.

«Три сестры» сыграны, сыграны с редким единством тона, и все же — смутное, разорвано впечатление, холодный зрительный зал... Что-то не найдено, или потеряно театром, или зрителем. сегодняшнего дня.

ПЕССИМИСТЪ.

II.

Странно: еще в памяти первая представления «Трех сестер», когда все это было подлинным, самым настоящим, живым и современным, а теперь это—история.

Странно, но это так. И в эти дни, когда наша ровная, размерная, медленно идущая жизнь вдруг заплескалась бурными волнами и наши усталые челны заблуждали по морю этой жизни, не зная, куда причалить, кажется, что мы сразу перепахнули рубикон, перед которым так долго в нерешительности стояли.

Это ощущение не оставляло меня весь вечер, когда я слушал доходящую до меня со сцены тоску и страдание этих маленьких людей, которыми еще так недавно была наполнена вся наша жизнь. Ах, это было так недавно во времени, но как много за этот короткий промежуток уже прошло, и не в этом ли причина, что все больше и больше тоска старой России становится малопонятной нам. Мало-понятной и даже чуждой, а страдания и слезы этих людей такими ничтожными по сравнению со страданиями нашего момента.

Кто-то уверенно из них говорит: «Что-то на нас надвигается», а мы знаем, что оно уже надвинулось, уже прошло, встряхнувшись и переломив нашу жизнь. И перепахнувшись через одно, редко повторяемое в жизни народов, мы через десять лет докатились до другого, по величю и грандиозности своим не имевшего ничего равного себе в истории. И мы стоим накануне грядущего, такого неясного еще, но, несомненно, значительного, что наполнить надолго не только нашу жизнь, но и жизнь наших детей.

Чехов—история! Вы можете протестовать против этого, но это так. И не почувствовали ли это К. А. Марджанов, так бережно, так любовно воскресивший перед нами печаль и тоску старой России. В каждой мелочи он старался припомнить именно эту Россию и не потому ли заставил он героев пьесы надеть костюмы эпохи? Правда, странной были бы в обстановке современности эта грусть и эта тоска?

О, конечно, на земле нет той жизни—цветущего сада, о которой мечтал Вершинин, о, конечно, прав барон, что люди остались теми же, но в жизни, в обстанов-

ке этих людей так много изменилось.

Разве буря, что пронеслась десять лет тому назад, не коснулась города, в котором сто тысяч жителей, разве не встряхнула она их, сдвинув с того места, на котором на столько лет было остановилась Россия? И разве сейчас, в эти дни, когда личная тоска меркнет перед величием горя и страдания миллионов людей, не стали ли мы совсем другими? И, может быть, еще вчера, мы иначе бы воспринимали эти плывущие в зрительный зал печаль и тоску, их понимали.

Все старание, вся любовь к Чехову, весь талант режиссера, все то блестящее и прекрасное, что принес на наш сданный и тусклый провинциальный театр К. А. Марджанов, разбилось о наше настроение. Ах, разве сейчас нам до слез умиления, до тихих восторгов, до радостного отдыха в чарующей власти чистой красоты! Мы поймем сейчас лишь красоту иного типа, красоту, которая приходит в героические эпохи, красоту высоких взлетов человеческой души. Да, в этом надо сознаться: сейчас на театр должна прийти публицистика, свет рампы должен осветить красоту подвига, красоту самопожертвования, красоту героизма. И только слезы одной Великой Матери, оплакивающей трупы миллионов людей, способны, должно быть, исторгнуть из наших глаз слезы.

Но это все же прекрасно. В первый же день театр должен был напомнить, что он театр. Его могут сдвинуть с места, разстроить его ряды, но не могут изменить его законов. Ведь завтра, когда мы, окунувшись в море крови и слез, выйдем, просветленные к творчеству новой жизни, мы снова захотим, чтобы на театре было чистое и светлое искусство. Горе театру, если в эти страшные тревожные дни он растеряет свои функции, забудет о своих задачах...

К. НАРОДИНЪ.